

РЕНТА И ГОСУДАРСТВА-РАНТЬЕ

В.В. Шмат

Институт экономики и организации
промышленного производства
СО РАН, Новосибирск

petroleum-zugzwang@yandex.ru

Ресурсное изобилие, рента, несовершенство институтов... – логическая цепочка факторов и явлений, приводящая к тому, что целые страны превращаются в так называемые государства-рантье. Основу экономического благополучия, зачастую не столь уж значительного, этих стран составляют доходы от эксплуатации природных ресурсов. Но хорошо это или плохо на самом деле быть государством-рантье? Ресурсные страны добровольно избирают подобный путь развития или вынуждены следовать ему под давлением внешних обстоятельств? Имеет ли значение, как и на какие цели используется рента: просто «проедается», присваивается правителями и олигархами или же расходуется на модернизацию социально-экономических систем? Может ли звучать упреком то, что для многих стран «третьего мира» рента является единственным средством для переустройства экономики и социальной сферы? И наконец, всегда ли именно природные ресурсы служат источником ренты? Не слишком ли часто случается, что в условиях несовершенства институтов рентоориентированное поведение, погоня за рентой, сопровождающаяся острыми общественно-политическими и внутриклассовыми конфликтами, становится нормой независимо от концентрации природных ресурсов, а источником ренты становится едва ли не любое монопольное право, любая государственная и частная собственность? Как можно охарактеризовать страны, с переменным успехом торгующие своими суверенными правами – национальными флагами, прерогативой устанавливать налоги и проч.?

Эти непростые вопросы рассмотрены в предлагаемой статье, которая является отрывком из электронного издания книги «Нефтегазовый цугцванг. Очерки экономических проблем нефтегазового сектора» [5]*.

Ключевые слова: природные ресурсы, нефть, ресурсная рента, государство-рантье, институты, «ресурсное проклятие», рентоориентированное поведение, торговля государственностью, социально-экономическое развитие, модернизация, человеческий капитал.

RENT AND RENTIER STATES

V.V. Shmat

Institute of economics and industrial
engineering of SD RAS, Novosibirsk

petroleum-zugzwang@yandex.ru

Resource abundance, rent, imperfect institutions... – the logical chain of factors and socio-economic phenomena leading to the fact that whole countries change into so-called rentier States. Revenues from the exploitation of natural resources make the basis for these countries' economic welfare, often not so

* Шмат В. Нефтегазовый цугцванг. Очерки экономических проблем российского нефтегазового сектора / под науч. ред. В.А. Крюкова. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2013. – 505 с. – URL: <http://нефтегазовый-цугцванг-онлайн.рф>

sizeable. But is it really good or bad to be a rentier State? Do resource countries elect a similar path of development voluntarily or are they forced to follow it under the pressure of external circumstances? Does it matter how and for what purpose the rent is used: just “guzzled away”, appropriated by governors and oligarchs or spent on socio-economic systems’ reconstruction? Can it be said that for many of the “Third World” countries rent is the single source for modernization of the economy and the social sphere? And finally, are namely natural resources always a source of rent? Does it happens too often, that due to imperfect institutions rent-seeking behavior, accompanied by acute socio-political and intraclass conflicts, become the norm regardless of the concentration of natural resources? And does almost any monopoly, public and private property turn to the source of rent? How would you characterize the countries, selling with varying degrees of success their sovereign rights – national flags, the prerogative to exact taxes, etc.?

These difficult issues are discussed in the present paper, which is the excerpt of the e-edition of the book “Petroleum Zugzwang. Essays on the Russian Oil and Gas Sector’s Economic Problems”^{**}.

Key words: natural resources, petroleum, resource rents, rentier State, institutions, “resource curse”, rent-seeking behavior, trade in nationhood, socio-economic development, modernization, human capital.

Феномен «ресурсного проклятия» занимает центральное место во многих научных исследованиях современности, но еще больше число разнообразных «околонаучных» публикаций, обыгрывающих этот красивый и броский термин, характеризующий специфику экономического развития стран, «излишне» богатых природными, точнее сырьевыми, ресурсами. Одним из проявлений этого загадочного «проклятия», как полагают многие сторонники соответствующей теории, стало формирование так называемых «государств-рантье» – стран, живущих за счет ренты, получаемой от эксплуатации сырьевых ресурсов.

Но что это за страны и заслуживают ли они того, чтобы их уподобляли «лицам, живущим на нетрудовые, но законные доходы»¹ [4]? А может быть, как написано в Большой советской энциклопедии, ярлык «рантье» более подходит для многих экономически развитых государств, превратившихся в ростовщиков и обогащающихся путем вывоза капитала в другие, преимущественно экономически слаборазвитые и зависимые страны? [1]

¹ По определению «рантье» из Википедии.

^{**} Shmat V. Petroleum Zugzwang. Essays on the Russian Oil and Gas Sector’s Economic Problems / ePub. Novosibirsk: IEIE SB RAS. – URL: <http://нефтегазовый-путьванг-онлайн.рф/>

* * *

Ресурсы становятся «проклятием», потому что приносят ренту – эдакий «божий дар», не требующий усилий по развитию экономики и социума, грамотной государственной политики и хороших институтов. Чем выше ценность ресурсов, тем больше размер ренты и тем сильнее соблазн пуститься в погоню за ней для всех, кто прямо или косвенно, легитимно или нелегитимным образом имеет возможность влиять на процессы освоения ресурсов либо получать блага от этого процесса – для правителей и правительств, бюрократии и бизнеса, олигархических групп и криминальных сообществ, различного рода социальных коалиций, населения. Рентоориентированное поведение становится всеобщей нормой, тормозит прогресс хороших и способствует развитию плохих – обычно неформальных – институтов, опосредующих процессы распределения, перераспределения и присвоения ренты.

Государство, доходы которого формируются преимущественно на основе ресурсной ренты, утрачивает интерес к

проведению рациональной социально-экономической политики, скатывается к игре в благотворительность, субсидируя бизнес в несырьевых сферах экономики и население за счет низких налогов, заниженных цен на энергоресурсы, множественных социальных гарантий и другими путями. В свою очередь, национальный бизнес и население привыкают к иждивенчеству, лишаются стимулов для ответственного поведения и эффективного инвестирования и предпринимательства. Чрезмерно расширяется участие государства в экономике, причем не только в качестве «распределительного клапана» для ренты. Нарациваются не отличающиеся особым прагматизмом государственные расходы на развитие инфраструктуры, несырьевых отраслей экономики, социальной сферы и социальное обеспечение. «Обиженные» игроки и коалиции, не имеющие прямого доступа к разделу «рентного пирога», рассматривают программы и проекты с бюджетным финансированием как способ приобщиться к присвоению ренты, что в еще большей степени снижает эффективность участия государства в социально-экономических процессах. Стремясь не угодить в сырьевую зависимость (или вырваться из нее), государство проводит форсированную индустриализацию, а низкую конкурентоспособность национальной промышленности пытается компенсировать с помощью протекционистских мер и тем самым поддерживает неэффективное инвестирование.

Рано или поздно – а скорее рано, чем поздно – расходы становятся слишком велики, чтобы покрывать их за счет текущих рентных доходов. Соответственно, начинается рост внешних заимствований, который до поры до времени никого не пу-

гает. Пока сохраняется высокий уровень платежеспособности заемщиков, подпитываемый рентой, иностранные кредиторы легко дают в долг правительству, государственным и частным компаниям, «аппетиты» которых стремительно возрастают вместе с расширяющимися модернизационными планами. Но с ростом заимствований увеличиваются и расходы по обслуживанию внешнего долга, а вместе с этим в худшую сторону постепенно меняется общая платежеспособность. С истощением ресурсов и удорожанием процесса их освоения приток ренты начинает оскудевать, но если возникают кризисные ситуации на мировом рынке, то доходы от добычи сырья резко сокращаются. Как результат, в лучшем случае происходит замедление темпов экономического роста, а в худшем – страна приближается к своему банкротству или даже переступает через эту черту. Обостряется политическая и социальная напряженность, что приводит к разнообразным негативным последствиям – усилению авторитаризма, частой смене власти, хаотичному инициированию реформ и проч. Но обычно это не приносит улучшений в печальную судьбу государства-рантье, как ее предсказывает теория «ресурсного проклятия».

И вроде бы подобные судьбы действительно наблюдаются на примерах Мексики, Венесуэлы, Чили, Ирана, Ирака, Нигерии, Анголы, а в несколько смягченном варианте – Алжира, Ливии, Кувейта, Саудовской Аравии. Но что скрывается за видимыми явлениями? Почему странам, щедро наделенным природными ресурсами, не удается выйти на тренды устойчивого экономического роста и совершенствования национальных институтов? Неужели все дело – в «злополучной» ренте?

Возможно, что проблема связана с одним из дискретных переходов, которые столь свойственны развитию стран «третьего мира» и которые порою почти накладываются друг на друга во времени. Речь идет о дискретном переходе от бедности к богатству, вытекающему из ресурсной ренты. Соответственно, чем больше размеры ренты, зависящие от ликвидности и величины ресурсов, тем контрастнее становятся изменения в социально-экономическом положении. Переход от бедности к богатству таит в себе объективные опасности, которые трудно миновать. Внезапно разбогатевшую страну можно уподобить человеку, после длительного вынужденного голодания вдруг получившему доступ к обильной и вкусной пище. Выход из голодания представляет собой довольно сложный (физиологически и психологически) процесс, которой должен происходить под наблюдением знающего и строгого врача, способного пресечь неумеренный аппетит своего пациента, составить правильную диету и не допустить опасного переедания. В отношении стран «третьего мира» с их несовершенными институтами роль такого доктора должен играть «первый мир», располагающий серьезным опытом решения сложных экономических проблем. Однако в 1970–1990-е годы, которые в основном ассоциируются с действием «ресурсного проклятия», «первый мир» не только не справился со столь важной миссией, но фактически уклонился от ее исполнения.

В частности, после нефтяного кризиса 1973 г., когда доходы стран-экспортеров нефти резко выросли и у них образовались огромные финансовые активы, международные банкиры и экономические стратеги более всего озаботились не тем, чтобы нео-

жиданно разбогатевшие страны не пострадали от «переедания», а прямо противоположной угрозой – их вероятной бережливостью и тем, что накопленные активы не будут израсходованы. В данном случае «первый мир» был прежде всего обеспокоен собственной судьбой, поскольку «неизрасходованные десятки миллиардов долларов, лежащие без движения на счетах, могли означать серьезное сокращение деловой активности и перекося в мировой экономике... Однако беспокойство оказалось излишним. Нефтяные экспортеры, внезапно разбогатев, причем так, что они и не мечтали разбогатеть, встали на путь бешеного расходования накопленных средств. Они тратили деньги на индустриализацию, создание инфраструктуры, субсидии и услуги, предметы первой необходимости и роскоши, покупку вооружений, компенсацию убытков и коррупцию... Производителям нефти предлагали покупать буквально все – теперь у них были деньги, чтобы покупать. В огромный бизнес превратились закупки вооружений. Для индустриальных стран Запада срыв поставок в 1973 году и возросшая зависимость от Ближнего Востока сделали надежный доступ к нефти стратегической проблемой первого порядка. Одним из путей обеспечить этот доступ и сохранить или даже приобрести влияние была настойчивая продажа оружия. Страны ближневосточного региона отвечали таким же горячим стремлением его купить» [2, с. 670].

Если говорить простым языком, то несовершенство национальных институтов стран «третьего мира» выражается в неправильном, расточительном расходовании ренты. Но эта расточительность фактически поощрялась Западом, который из-за повышения цен на сырую нефть потерял значительную часть своего дохода и стремился компенсировать потери, пойдя «обходным путем», т. е. всячески стимулируя расходование ренты странами – соб-

ственниками ресурсов. Добавленная стоимость, которая по множеству каналов (начиная с высоких налогов на нефтепродукты) собиралась и распределялась в экономике «первого мира», сконцентрировалась в нефтяной ренте и стала прямым поступать в распоряжение нефтеэкспортирующих стран. Нужно было ее изъять и вернуть в денежно-финансовую систему мировой экономики, поэтому повышение цен на нефть для ее производителей в лучшем случае превратилось в игру с нулевой суммой. Что касается «первого мира», то он не столько потерял от концентрации ренты у нефтедобывающих стран, сколько был вынужден перестраивать структуру движения и распределения стоимости. Экономический кризис 1974–1975 гг. был в значительной степени перестроечным – таким образом происходила адаптация к новым условиям доступа к энергетическим и сырьевым ресурсам и к новым правилам первичного и конечного распределения ренты.

Произошедшие события имели, по всей видимости, два фундаментальных последствия: во-первых, экономически развитые государства лишились возможности проводить свою обычную монетаристскую политику для обуздания инфляции за счет зависимых прежде стран «третьего мира», поставлявших дешевое сырье и топливо; во-вторых, потеряв дешевую нефть, «первый мир» начал активно заниматься энергосбережением, что с течением времени привело к серьезной структурной трансформации всей глобальной экономики. Указанные изменения породили устойчивые отрицательные обратные связи во взаимодействии между «мирами». Доходы стран-экспортеров минерального сырья и топлива стали сравнительно быстро обе-

цениваться из-за инфляции, а рост потребления ресурсов замедлился, что привело к нестабильности рыночного равновесия и к усилению конкуренции со стороны предложения ресурсов. Соответственно, сложились повышенные риски для стран с моноотраслевой сырьевой экономикой. В сочетании с фактором исчерпаемости ресурсов именно они представляют собой действительную опасность в отличие от кажущихся или внешних признаков, на которые обращает внимание теория «ресурсного проклятия».

Сырьевые экономики оказываются менее маневренными и менее приспособленными к быстро изменяющимся условиям развития, складывающимся под влиянием большого числа факторов, преимущественно внешних, включая конъюнктурные, финансовые, технологические, политические. Из числа внутренних факторов наибольшее значение имеют те, что связаны с динамическими параметрами освоения месторождений полезных ископаемых – движением запасов в недрах, объемами добычи, величиной издержек производства и проч., ведущими к закономерному изменению во времени экономической отдачи от ресурсов. В своем сочетании внешние и внутренние факторы, с одной стороны, определяют величину поступления ренты как основной статьи доходов, а с другой стороны, обуславливают реальные возможности для экономической трансформации, направленной на ослабление и преодоление сырьевой зависимости. Последнее приобретает все возрастающую актуальность по мере истощения ресурсного потенциала и уменьшения отдачи от каждой дополнительной единицы ресурсов, вовлекаемой в процесс хозяйственного освоения, т. е. факторов, ко-

торые создают объективные предпосылки для замедления экономического роста. Но если с ресурсами все в порядке, тогда ключевую роль играют политические, финансовые, рыночные и технологические риски и ограничения, сдерживающие динамику социально-экономического развития ресурсно-избыточных стран.

Возвращаясь к статистическому феномену, который был подмечен теорией «ресурсного проклятия» и отражает негативное якобы воздействие ресурсов на темпы роста богатых нефтяных экономик в 1970–1990-х гг., нельзя не отметить одно любопытное обстоятельство, связанное с уровнем экономического развития в предшествующий период времени. Например, уже к 1950 г. в Кувейте и в Катаре, с их тогдашним совсем крошечным населением, величина паритетного среднедушевого ВВП достигала соответственно 42 и 45 тыс. долл. (в ценах 2007 г.) и примерно в три раза превышала американский показатель. Соединенным Штатам, чтобы приблизиться к аналогичному рубежу, потребовалось еще где-то полвека [8]. То есть богатейшие нефтедобывающие страны в 1950–1960-х гг. достигли «избыточного» уровня экономического развития, измеряемого статистикой, при узкоотраслевой структуре экономики. Дальнейший столь же быстрый, как и прежде, рост статистических показателей сам по себе был просто бессмысленным. К началу 1970-х гг. для ресурсно-избыточных стран гораздо более актуальными задачами стали, во-первых, достижение справедливого раздела конечных доходов от добычи и использования сырья (прежде всего – нефти), а не дальнейшее наращивание производства при несправедливо низких ценах; во-вторых, использование ресурсной рен-

ты для модернизации национальных экономик и ликвидации рабской зависимости от добычи и экспорта сырья. С общей политико-экономической точки зрения это означало ослабление зависимости от «первого мира» и обретение реальной самостоятельности.

К решению названных задач Мексика и Венесуэла, ставшие первыми крупными экспортёрами нефти, пытались подступиться еще в 1920–1930-х гг. Этим же путем пошли иранские правители династии Пехлеви, которые стремились вырвать свою страну из средневекового застойного состояния, модернизировать экономику и социальную систему, превратить Иран в современное светское государство. Стартовый реформаторский рывок был совершен в 1930-х гг. при Реза-шахе, когда в Иране было создано несколько сотен новых промышленных предприятий, построено 1,5 тыс. км железных и около 10 тыс. км автомобильных дорог. В 1934–1940 гг. на финансирование так называемых «проектов развития» приходилось 48 % совокупных государственных расходов, из них примерно 60 % занимало финансирование транспортной сферы и 40 % – промышленности. Происходивший инвестиционный бум опирался на протекционистские и стимулирующие меры; в частности, благодаря интенсивному развитию дорожной инфраструктуры транспортные тарифы были снижены на три четверти. Как результат, к 1941 г. уже более половины капитальных вложений в промышленность приходилось на частные источники. В прогрессивных секторах экономики, включая нефтяную промышленность, было создано порядка 170 тыс. рабочих мест, но это составляло менее 4 % от общей численности трудоспособного насе-

ления [9, p. 75–76]. Иран в целом как был, так и оставался слабо развитой аграрной страной, социально-экономическая система которой лишь в очень малой степени оказалась втянутой в процессы модернизации.

Вторая волна преобразований, охватившая все сферы жизни в Иране и получившая название «Белая революция» шаха и народа (была одобрена всенародным референдумом), пришлось на 1963–1977 гг. Шах Мухаммед Реза Пехлеви при помощи «революционного рывка», разбитого на пятилетние плановые периоды, намеревался вывести страну в русло мирового капиталистического развития, создать своего рода «восточную Швейцарию», стремился превратить Иран в государство, в котором передовые западные технологии совмещались бы с иранской культурой и традициями [6]. Инвестиционная деятельность приобрела беспрецедентные масштабы: в 1960–1977 гг. годовой объем капитальных вложений увеличился в 12 раз (частных – в 10, государственных – почти в 18 раз). В Иране была проведена земельная реформа, создавались новые отрасли промышленности (включая автомобилестроительную и радиоэлектронную), начала развиваться атомная энергетика, модернизировались системы здравоохранения, образования, социальной защиты населения. В 1963–1977 гг. среднегодовые темпы прироста ВВП в неизменных ценах составляли 10,5 %, в том числе «нефтегазового» – 11,5 %. «Нефтегазовая» экономика Ирана развивалась с постоянным ускорением, достигнув в третьей пятилетке (1973–1977 гг.) среднегодовых темпов в 15,3 % [11]. Но даже столь стремительный рост экономики и благосостояния населения оказался недостаточно быстрым, что-

бы не допустить чрезмерного обострения внутренних социальных противоречий и конфликтов, которые в итоге завершились Исламской революцией 1978–1979 гг., свергнувшей режим шаха и положившей начало республиканскому правлению.

В чем заключается «проклятие» Ирана? В несовершенстве институтов монархической государственной власти? В деспотизме шаха, насаждавшего модернизацию волевым путем вопреки национальным и религиозным традициям, которые складывались на протяжении многих веков? В отсутствии конструктивного диалога между властью и оппозиционными силами, в жестком подавлении оппозиции вместо ее «ассимиляции»? В излишней поспешности процесса «экономического возрождения» и стремлении радикально изменить облик страны в течение жизни одного поколения иранцев? В утопичности курса на быстрое построение «развитого капитализма»? В том, что лишь очень малая часть населения смогла воспользоваться плодами реформаторской политики, не оказавшей положительного влияния на условия социальной жизни страны в целом? Или в том, что форсированная «вестернизация», неумное желание стать частью мировой политической и экономической элиты были выгодны «первому миру», напешшему в шахском Иране верного и надежного союзника?

Наверное, в ответе на каждый из приведенных выше вопросов содержится частичка объяснения, почему шахская «белая революция» не только не привела к желаемым результатам, но завершилась падением монархии. Остается лишь неясным, причем здесь ресурсы. Если бы у Ирана не было ресурсов нефти, ему стало бы легче преодолеть вековую отсталость? Социально-экономическое разви-

тие страны приобрело бы более поступательный и устойчивый характер? Нашел бы «первый мир» свои выгоды в иранском экономическом росте и помогал бы так, как помогал проведению шахской модернизации? Или бы просто рассматривал территорию страны в качестве удобного военно-стратегического плацдарма вблизи южных границ СССР? Во всяком случае, если обратить взор к ближайшим соседям Ирана – Афганистану и Пакистану, можно увидеть, что отсутствие крупных ресурсов нефти при почти одинаковом военно-политическом значении отнюдь не помогло этим странам ни в экономическом росте, ни в преодолении социальной несправедливости, ни в построении демократического общества и достижении политической стабильности.

Вряд ли можно согласиться и с элементарным уподоблением ресурсных стран, использующих рентные доходы для модернизации национальных социально-экономических систем, государствам-рантье. Экономическая политика ресурсных стран, как показывает история Мексики, Венесуэлы, Ирана, Саудовской Аравии и других стран, может быть ошибочной, непоследовательной, поспешной – какой угодно, но это не пассивная политика рантье, чье благосостояние зависит от ренты и только от ренты. Рано или поздно (а скорее рано, чем поздно) ресурсно-избыточные страны в большинстве своем становятся на путь всеохватывающего экономического переустройства, имеющего целью как минимум ослабление сырьевой, или рентной, зависимости. Это никак не соответствует образу государств-рантье, которые по логике вещей должны бы довольствоваться получением ресурсной ренты и ее накоплением в разного рода страховых и резервных фон-

дах, инвестированием в надежные активы, т. е. в экономику «первого мира». Североамериканский штат Аляска представляет собой, по-видимому, образец подобного отношения к рентным доходам, равно как и устойчивого эколого-экономического развития. Но Аляска не является суверенным государством, и ей никогда не приходилось всерьез сталкиваться с печальными последствиями колониального прошлого и с массой сложных и противоречивых проблем, что стоят перед ресурсно-избыточными странами «третьего мира». Каждая из них озабочена не только ростом благосостояния, но и своим позиционированием в качестве государства, обладающего реальной политической и экономической независимостью, которая обычно дается путем построения индустриального многопрофильного хозяйства. Идеи же плавного перехода из феодализма напрямик к постиндустриальной экономике и росту на основе интеллектуальных и высокотехнологических факторов как альтернативам традиционной индустриализации выглядят попросту иллюзорными.

Но даже двигаясь по уже избранному и вполне логичному пути индустриализации, ресурсные страны, как показывает пример Саудовской Аравии и других «нефтяных» государств Ближнего Востока, сталкиваются с довольно сложными проблемами. Аравийское королевство приступило к реализации различных диверсифицирующих программ инфраструктурного и промышленного развития еще в 1970-х годах практически одновременно с обретением «нефтяного» суверенитета. Одним из главных и вполне естественных направлений диверсификации стало создание национальной нефтехимической индустрии, которая за минувшие 40 лет превратилась

в одну из крупнейших в мире. Саудовская Аравия вышла на третье место в мире после США и Китая по производству этилена – одного из базовых видов нефтехимической продукции. В 2006–2010 гг. среднегодовые приросты экспорта химической продукции из Саудовской Аравии составили 16 %; химическая промышленность является второй по значимости экспортной отраслью с долей около 9 %; страна входит в число ведущих экспортеров пластмасс, продуктов оргсинтеза и минеральных удобрений. По показателю экспорта химической продукции на душу населения (более 900 долл.) Саудовская Аравия в 1,3–1,4 раза превосходит США и Японию [7]. Государственная корпорация SABIC занимает второе место среди мировых компаний (после американской Dow Chemical) по выпуску полиэтилена и шестое место – по общему объему продаж. Эксперты KPMG прогнозируют, что к 2015 г. SABIC станет крупнейшей химической компанией мира, а вместе с ней в глобальный химический Топ-10 войдут компании из Кувейта и ОАЭ [14].

Вместе с тем при достигнутых объемах добычи и экспорта нефти довольно сложно себе представить, каковы должны быть масштабы «ненефтяного» сектора саудовской экономики, чтобы ее можно было бы назвать диверсифицированной. Точно так же трудно себе представить Саудовскую Аравию в роли ведущего экспортера фармацевтической и другой сложной (соответственно – дорогостоящей) химической продукции, т. е. в тех секторах рынка, где традиционно наиболее сильные конкурентные позиции занимают не Япония, США или Китай, а европейские производители – Швейцария, Бельгия, Германия. Сырьевые экономики «третьего мира»

в своей диверсификации сталкиваются с серьезными технологическими ограничениями. «Первый мир», руководствуясь в большей степени собственными интересами, нежели интересами стран-экспортеров сырья, готов поделиться лишь технологиями производства относительно простых видов химической продукции – материалоемкой и энергоемкой. С одной стороны, это выгодно странам «третьего мира», поскольку позволяет наращивать выпуск обработанной продукции с использованием больших объемов сырья; с другой стороны, сохраняется прежний технологический разрыв между «мирами», так как экономически развитые государства усиливают специализацию в сфере высокотехнологичных производств, закрепляя свое привычное преимущество.

Одним из признаков «ресурсного проклятия» принято считать медленное развитие человеческого капитала, что связывается с относительной технологической простотой сырьевого сектора и, как следствие, недостаточным спросом на квалифицированную рабочую силу. В действительности же все обстоит далеко не столь однозначно, во всяком случае, если говорить о современной нефтегазовой промышленности, которая постоянно усложняется в технологическом отношении. Но и в более давние времена, когда шла борьба за ресурсный суверенитет, одно из главных требований нефтеэкспортирующих стран состояло в замене иностранных специалистов-нефтяников национальными кадрами. Поэтому проблема кроется не в сырьевом секторе как таковом, а в тех масштабных строительных работах, с которыми связаны модернизационные и диверсифицирующие планы развития многих ресурсных стран. Строительный бум вызывает мощный при-

ток иностранной рабочей силы со сравнительно низким уровнем квалификации, что создает не вполне точное впечатление о стагнации в развитии национального человеческого капитала.

Что же касается инвестиций в человеческий капитал, то статистика не дает оснований для выведения каких-то определенных закономерностей. Например, по данным за 2008 г., расходы на образование в Нигерии составили всего 10 долл. на душу населения, в Иране – 188, Венесуэле – 384, Тринидаде и Тобаго – 775; в расчете на душу населения из числа граждан в Бахрейне – 751 долл., Омане – 999, Саудовской Аравии – 1589, Кувейте – 3870 долл. Для сравнения: показатели Бразилии и Мексики находились на уровне 430...460 долл.; Кореи, Сингапура и Гонконга – 820...900 долл.; Японии – 1260; Германии – 1972; США – 2228; Швейцарии – 3182; Норвегии – 5547 долл. [15]. Цифры показывают, что богатые страны – экспортеры нефти тратят на образование существенно больше, чем «третий мир» в среднем, и по величине таковых расходов могут посоревноваться даже с технологически наиболее развитыми государствами «первого мира». То есть «модернизация» человеческого капитала для ресурсных стран является одной из приоритетных задач. Соответственно, возникает вполне правомерный вопрос: можно ли считать использование рентных доходов для решения данной задачи, имеющей целью ослабление экономической и технологической зависимости, политикой рантье?

Думается, что источник доходов как таковой вообще не является фактором, всерьез позволяющим квалифицировать те или иные страны в качестве государства-рантье. Рентоориентированное поведение присуще экономико-политической жизни

большинства стран «третьего мира» и обусловлено не наличием источников ренты в их классическом понимании, т. е. связанных с эксплуатацией каких-либо природных ресурсов. Дискретность переходов от одних состояний к другим (от колониальной подчиненности к формальной государственной самостоятельности, от авторитаризма к демократии и обратно, от бедности к богатству) и отсутствие длительных стадий эволюционного развития институциональной среды при сохранении разнообразных форм зависимости от «первого мира» делают склонность к извлечению ренты устойчивым типом поведения. Природно-ресурсная обеспеченность к этому не имеет особого отношения, а ключевым фактором является возможность монополизации источников дохода, что придает последнему рентоподобный характер вне связи с какими-либо другими обстоятельствами. Источником такой «квазиренты» может стать все что угодно – права собственности на любые активы (материальные и нематериальные), власть и приближенность к власти – важно чтобы обладание доступом к источнику дохода представляло собой определенный эксклюзив, чтобы существовали некоторые привилегии для избранных и труднопреодолимые ограничения – для всех остальных. Таким образом формируются искусственные и чрезвычайно высокие барьеры вхождения в бизнес; во взаимоотношениях между государством и бизнесом складываются олигархические альянсы; в среде власть предержащих расцветает коррупция; переделы сфер влияния и реструктурирование прав на получение дохода происходят не в форме рыночной конкуренции, а силовым и нередко криминальным путем. На общенациональном

уровне склонность к рентоориентированному поведению может выливаться в торговлю собственной государственностью. Торговля государственностью, являющаяся своего рода апофеозом погони за рентой, широко распространена в наше время, причем не только среди стран «третьего мира». Например, что представляют собой многочисленные оффшоры в разных частях света? Это истинные государства-рантье, торгующие своим суверенным правом устанавливать налоги, которое можно считать в такой же степени «богом данным», как и ресурсы полезных ископаемых в недрах.

«Рента за государственность» может превратиться в столь же опасное проклятие, как и рента ресурсная. Достаточно посмотреть на пример Либерии – небольшого африканского государства, которое было основано чернокожими выходцами из США в первой половине XIX века и мыслилось как «уголок» независимости, демократии и свободы от рабства (отсюда и гордое название – «Либерия», или «Земля свободы»). Но парадокс состоит в том, что негры-переселенцы, бывшие американские рабы, считали коренных африканцев неполноценными и относились к ним словно колонизаторы. В стране с формально демократическим строем на целое столетие фактически установился режим апартеида, при котором господствующее положение занимало «черное» американо-либерийское меньшинство, а «черное» большинство коренных жителей было лишено элементарных гражданских прав. Достаточно сказать, что в 1930-х гг. Лига Наций уличила либерийские власти в соучастии в работорговле, и лишь в 1946 г. малая часть аборигенов на основе жесткого имущественного ценза и по критерию «цивилизованности», вве-

денному правительством, получила право голоса [10]. За свою более чем полутора-вековую непростую историю Либерия познала долгие периоды безденежья и почти полного хозяйственного упадка, кровавую диктатуру и разорительные гражданские войны. Но к чему Либерия так и не смогла приблизиться вплоть до настоящего времени, – к реальной независимости и самостоятельности. Без иностранной финансовой и политической поддержки страна оказывается неспособной к сколько-нибудь продуктивному социально-экономическому развитию на протяжении многих и многих десятилетий.

Пожалуй, более всего Либерия известна тем, что стала чуть ли не первой в мире страной, принявшей зарабатывать на сдаче в аренду символов своей государственности. Еще в 1948 г. был принят национальный Морской кодекс, позволивший иностранным судоходным компаниям за небольшую мзду пользоваться «удобным» либерийским флагом (flag of convenience). Благодаря этому за короткий срок Либерия превратилась в «великую морскую державу»: к началу 1980-х гг. «либерийскую прописку» имела почти четверть мирового торгового флота (по дедейте – 160 из 672 млн т), в том числе более 31 % танкерного флота (105 из 338 млн т) [16]. Пошлины за аренду национального флага превратились в главную доходную статью государственного бюджета. В тяжелое время гражданской войны 1990-х годов, когда экономика страны оказалась в плачевном состоянии, свыше 90 % правительственных доходов приходилось на регистрационные платежи. «Рента за государственность» в Либерии разворовывалась и служила для личного обогащения правителей точно так же, как и ресурсная рента в других странах «тре-

тьего мира». Значительные суммы использовались властями для незаконной закупки вооружений (в обход международных санкций) и ведения борьбы с оппозиционными силами [13]. Пример Либерии оказался заразительным, и ему последовали некоторые другие страны, в частности Панама, Маршалловы и Багамские острова. Сегодня Панама занимает почти такое же место среди государств, торгующих флагом, как Либерия 30 лет назад.

Появление государств-рантье, подобных Либерии, очевидно связано с корыстными интересами бизнеса, принадлежащего «первому миру». К примеру, на суда, плавающие под «удобным» либерийским флагом, согласно международным стандартам распространяется не только национальное налоговое законодательство, но также и чрезвычайно либеральные технико-регуляторные нормы и правила трудового найма, что позволяет компаниям-судовладельцам экономить на расходах и получать дополнительную прибыль. Но такого рода экономия нередко приводит к печальным и даже катастрофическим последствиям. Достаточно сказать, что два из пяти крупнейших в истории мореплавания кораблекрушений, которые сопровождались разливами нефти и нанесли тяжелейший урон для окружающей среды, произошли с танкерами (АВТ Summer в 1991 г. и Amoco Cadiz в 1978 г.), ходившими под либерийским флагом: в первом случае в море вылилось 260, а во втором – 223 тыс. т сырой нефти [13].

Пример Либерии примечателен еще и тем, что эта африканская страна в различные периоды своей истории «испробовала» самые разные виды стяжательства ренты, включая ресурсную. При этом Либерия (и при ее демократических, и при автори-

тарных правителях) всегда послушно следовала в фарватере интересов «первого мира», всецело полагаясь на финансовую и политическую поддержку со стороны США, но получала таковую далеко не во всех случаях, а лишь тогда, когда это было выгодно «старшему собрату». В 1920-х гг. Либерия была спасена от банкротства американской компанией Firestone, предоставившей правительству заем на 5 млн долл., но в благодарность получившей в аренду сроком на 99 лет огромную, площадью в 1 млн акров, плантацию деревьев-каучуконосов. Арендная плата составляла 1 % от стоимости производившегося каучука. На плантации фактически использовался рабский труд аборигенов, а многие правительственные чиновники были втянуты в сложившуюся тогда систему коррупционных отношений, опосредующих процедуры найма работников для американской компании [10]. В период «холодной войны» США уделяли большое внимание Либерии, превратив ее в форпост борьбы с коммунизмом в Африке (американская военная база в этой стране была закрыта лишь в начале 1990-х гг. после распада СССР). Но совсем по-иному американская администрация повела себя в начале 2000-х гг., когда не сочла возможным направить в Либерию миротворческий военный контингент, чтобы положить конец гражданской войне. Этот пример показывает, что «первый мир», возглавляемый США, готов идти на активное вмешательство только в тех регионах, которые затрагивают его собственные интересы. Либерия же сегодня к таковым не относится [3].

Собственно говоря, в печальной участи Либерии, как в выпуклом зеркале, с особой наглядностью отражаются многие общие закономерности развития стран «тре-

тьего мира», включая неустойчивость экономического роста, политическую нестабильность и слабость институтов демократии, склонность к рентоориентированному поведению и стремление извлекать ренту из всех мыслимых источников. Рождение государств-рантье в «третьем мире» может быть никак не связано с уровнем ресурсной обеспеченности, и менее всего подобное определение подходит как раз тем странам, которые пытаются «конвертировать» ренту в новое качество собственного социально-экономического развития путем всеохватной модернизации. Отмеченные закономерности самым непосредственным образом обусловлены сохранением зависимости от «первого мира», которая в течение времени лишь меняет свои формы со смещением акцентов в сторону экономических и технологических факторов. Неважно, считается та или иная страна «третьего мира» государством-рантье, ее современное состояние и перспективы будущего развития во многом определяются заинтересованностью со стороны «сильных мира сего». Действительное «ресурсное проклятие» наступает тогда, когда угасает данный интерес, что происходит по причине истощения ресурсов либо сокращения их рыночной ценности; а «ресурсное благословение» может быть вызвано совершенно обратными обстоятельствами. Но, судя по всему, правильнее будет сказать, что появление или исчезновение источников ренты для стран «третьего мира» означает лишь видоизменение стоящих перед ними проблем и форм зависимости от экономически развитых государств.

Литература

1. Государство-рантье // Яндекс. Словари. Большая советская энциклопедия. – 1969–1978. – URL: <http://slovari.yandex.ru/рантье/>
2. *Ерзин А.* Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. – М.: ДеНо-во, 1999. – 968 с.
3. *Кафа-Мурза В.* Мировая общественность обвиняется в изнасиловании либерийской демократии // Коммерсантъ. – 20 авг. 2003. – URL: <http://www.kommersant.ru/doc/402963> (дата обращения 05.03.2014).
4. Рантье // Википедия. Свободная энциклопедия. – URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%E0%ED%F2%FC%E5> (дата обращения 05.03.2014).
5. *Шмат В.* Нефтегазовый путцванг. Очерки экономических проблем российского нефтегазового сектора / под науч. ред. В.А. Крюкова. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2013. – 505 с. – URL: <http://нефтегазовый-путцванг-онлайн.рф> (дата обращения 05.03.2014).
6. *Яременко В.* Аятолла Хомейни против «белой революции» // Иран: старые идеи и новые модели. Часть 1. – Полит.ру. – 4 янв. 2007 г. – URL: <http://www.polit.ru/article/2007/01/04/iran/> (дата обращения 05.03.2014).
7. 2011 International Trade Statistics Yearbook. Vol. I – Trade by Country. – New York: UN Statistics Division; Trade Statistics Branch, 2012. – URL: <http://comtrade.un.org/pb/first.aspx> (дата обращения 05.03.2014).
8. *Аваков А.В.* Two Thousand Years of Economic Statistics: World Population, GDP and PPP. – New York: Algora Publishing, 2010. – 390 с.
9. *Karshenas M.* Oil, State and Industrialization in Iran. – New York: Cambridge University Press, 1990 – 326 p.
10. Liberia in Perspective. An Orientation Guide. – Monterey, CA: Defense Language Institute Foreign Language Center (DLIFLC), 2009. – URL: <http://famdliflc.lingnet.org/products/cip/Liberia/default.html> (дата обращения 05.03.2014).
11. *Pesaran M.* Hashem. Economy of Iran. IX – In The Pahlavi Period // The Encyclopædia Iranica. – URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/economy-ix> (дата обращения 05.03.2014).

12. Pham J.P. An Inconvenient Flag: Liberia's Ship Registry in the Age of Global Terrorism // World Defense Review. – 2007. – Sep. 6. – URL: <http://www.worlddefensereview.com/pham090607.shtml> (дата обращения 05.03.2014).

13. Pham J.P. Reinventing Liberia: Civil Society, Governance, and a Nation's Post-War Recovery // The International Journal of Not-for-Profit Law. – Nov. 2005. – Vol. 8, Issue 2. – P. 38–54. – URL: <http://www.icnl.org/research/journal/vol8iss2/index.htm> (дата обращения 05.03.2014).

14. The Future of the European Chemical Industry. – KPMG International Cooperative, 2010. – URL: <http://www.kpmg.com/be/en/>

issuesandinsights/articlespublications/pages/future-of-the-european-chemical-industry.aspx (дата обращения 05.03.2014).

15. World Development Indicators, 2012. – The World Bank. – URL: <http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators> (дата обращения 05.03.2014).

16. World merchant fleet by flag of registration and type of ship // Review of Maritime Transport (Series). – United Nation Conference on Trade and Development (UNCTAD). – Online statistics, 2012. – URL: [http://unctad.org/en/Pages/Publications/Review-of-Maritime-Transport-\(Series\).aspx](http://unctad.org/en/Pages/Publications/Review-of-Maritime-Transport-(Series).aspx) (дата обращения 05.03.2014).